(/)

Журнальный зал

Русский
толстый журнал как
эстетический феномен

Опубликовано в журнале: Вестник Европы (/vestnik/) 2011, 30 (/vestnik/2011/30)

Поиск

Франтишек Яноух (/authors/y/fyanouh)

Кригель

Эссе. Перевод Ады Кольман

ФРАНТИШЕК КРИГЕЛЬ

Эссе

Франтишек Яноух

Осенью 1945 г. у нас в квартире раздался телефонный звонок. Чей-то глубокий мужской голос осведомлялся о моем отце: “Жив ли он? Пережил ли войну?”

Отвечаю: “Был в Освенциме и Маутхаузене, вернулся, снова работает врачом”.

“Значит, ты Яноух-младший. Передай отцу, что звонил Франта Кригель. Я нахожусь в аэропорту, в Рузини, только что прилетел из Индии, лечу во Франкфурт. Вернусь через несколько дней”.

Такова была моя первая “встреча” с доктором Кригелем, которую я запомнил. От родителей я узнал, что он являлся лучшим другом отца со студенческих лет. Я был еще грудным младенцем, когда они вместе по вечерам занимались изучением “Анти-Дюринга” Энгельса и обсуждали политические проблемы.

Не прошло и двух недель, как кто-то позвонил к нам в дверь. В коридоре стоял небольшого роста мужчина в серо-зеленом плаще, с улыбающимся лицом, а рядом с ним стояло несколько чемоданов и лежал какой-то мешок.

“Я — Кригель! Ты здорово вырос за эти девять лет! Могу я оставить у вас свои вещи и пожить здесь пару дней?”

Так закончился долгий путь доктора Франтишека Кригеля, в который он из той же самой квартиры отправился девять лет назад. И так началось мое личное знакомство с человеком, оставившим неизгладимый след в истории Чехословакии; человеком, начиная с 1968 года являвшимся, главной мишенью злобных нападок как чехословацких и советских средств массовой информации, так и партийных пропагандистов.

В ноябре 1936 г. мой отец, единственный из его друзей, — все должно было сохраняться в тайне, — провожал Кригеля, уезжавшего в Испанию, на Вршовицком вокзале. Кригеля посылала туда — по его собственной просьбе, в качестве добровольца, — компартия. Кто мог тогда предполагать, что ему удастся вернуться домой только через девять лет. Домой? Да, домой, в Прагу! Ниже я расскажу, какими судьбами Кригель оказался в Чехословакии.

Франтишек Кригель родился 10 апреля 1908 г. в еврейской семье, в городе Станиславе2. Отец его был мелким строителем, скорее, надсмотрщиком на стройке. Ему с трудом удавалось прокормить семью. Отец умер, когда Франтишеку было всего 11 лет. Он должен был сам зарабатывать на жизнь, так как матери было очень трудно одной растить троих детей (у Кригеля были еще брат и сестра).

В семнадцатилетнем возрасте Кригель пытается поступить во Львовский университет. Однако там существовал строгий “numerus clausus”3, и еврейского юношу не приняли. Поэтому он в 1926 г. уезжает в Прагу, где в ноябре того же года поступает на медицинский факультет немецкой части Карлова университета. Выбор немецкой части объяснялся тем, что в чешской не было мест, кроме того, в семье Кригеля говорили по-немецки и по-польски, поэтому Франтишеку было легче учиться на немецком языке.

В годы учебы Кригель перебивается как может. Дает уроки, разгружает вагоны, затем подрабатывает старшим санитаром в больнице — за целых 150 крон в месяц! Позже он рассказывал: “Часто бывало, что за весь день я выпивал только одну чашку какао и съедал кусок хлеба, которые давали в “Харите”4. А занимался я по ночам — насколько позволяли силы”.

Не приходится удивляться, что уже с 1924 г., то есть еще в Польше, Кригель начинает работать в организации рабочей молодежи. Позже, в Праге, он становится активным членом левого студенческого движения, а в 1931 г. вступает (в Праге, в районе Жижков) в КПЧ5. С той поры он посвящает свое время не только учебе, но и партийной работе, состоя партийным инструктором во многих пражских рабочих организациях.

После окончания медицинского факультета в 1934 г. Кригель поступает ординатором в пражскую Первую терапевтическую клинику. К тому времени Чехословакия становится его второй родиной. В отличие от многих других эмигрантов, он говорит и пишет по-чешски так, словно родился в Чехии. Чехословакию он называл “замечательным островом демократии и культуры в Восточной Европе”, глубоко полюбил ее, и она стала его новым домом.

Девять лет на фронтах Второй мировой войны

“Не знаю, какое впечатление производили на вас, афиняне, мои обвинители, но сам я почти что забыл, кто я таков, слушая их речи. Так убедительно они говорили. И все же не сказали ни одного правдивого слова”.

Платон: Защита Сократа

1 декабря 1936 г. Кригель отправляется в Испанию сражаться с фалангистами за свободу республики, был фронтовым врачом, в 1937-м стал главврачом 45-й дивизионной интербригады.

“Международный авантюрист и майор Американской армии” — так назвал Франтишека Кригеля на пресс-конференции в Стокгольме в 1977 году, заместитель чехословацкого министра иностранных дел, Спачил. В подобных выражениях писала о Кригеле и центральная газета “Руде право”, и многие другие газеты в Чехословакии. Но ложь, даже повторенная тысячу раз, не становится правдой. Врач Кригель, хоть и имел звание майора, но он не служил в американской армии. Ниже я привожу документ, вернее, его копию, заверенную чехословацким судом:

“Его Высокопрев. Дон Хуан Негрин Лопет, Президент Совета Министров и министр национальной обороны, и, от его имени, прославленный Дон Антонио Кордон Гарсия, полковник артиллерии, заместитель начальника сухопутных войск:

Подтверждаю, что г-н Франтишек Кригель воевал в Испании, в интернациональных бригадах, в чине майора-врача, защищая свободу и привилегии испанского народа, и был бойцом 45-й дивизионной бригады.

Сейчас, когда этот майор-врач покидает землю, которую он пришел защищать, правительство Республики выражает ему посредством данного удостоверения благодарность народа, которую он заслужил в сражениях во Второй войне своей преданностью и поведением, на благо Испании, в борьбе за ее независимость.

Барселона, 28-го октября 1938 г.

Министерство национальной обороны

Антонио Кордон, собственноручно

Сухопутные войска

Канцелярия заместителя начальника сухопутных войск

257/1”.

Кригель служил в Испании до февраля 1939 года и покинул побежденную страну, будучи комиссаром одного из последних подразделений интербригады. На испанско-французской границе Кригель передал флаг интербригад в руки испанских партизан.

С февраля 1939 г. Кригель находился во французских лагерях для военнопленных — сначала в Сан-Сиприен, позже — в Гурс.

В послевоенные годы среди старых писем я нашел открытку, отправленную Кригелем из Франции весной 1939 года. В ней он просил, чтобы мы выслали ему его медицинский диплом, который он, уезжая, оставил у нас на сохранение. Это была последняя весточка от Кригеля — потом он надолго исчез из виду, ибо началась Вторая мировая война.

Вторая родина Кригеля — Чехословакия — была оккупирована Гитлером 15-го марта 1939 г., поэтому стало невозможно вернуться домой. Кригелю — коммунисту и антифашисту — не так-то просто было решить, что же делать дальше.

В то время в полном разгаре шла китайско-японская война. Руководство Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала в 1938 г. обратилось к коммунистам с воззванием, в котором, кроме всего прочего, говорилось: “… Освободительная борьба китайского народа является важнейшей частью всеобщей борьбы мирового пролетариата и всего передового человечества против насилия варварского фашизма и японского милитаризма”.

В воззвании далее говорилось, что основная задача коммунистов — собирать средства в помощь Народной армии Китая, а также — отправлять амбулатории, врачей и медсестер в Китай (тогда у власти там находился гоминьдан во главе с Чан Кайши).

Позже “Руде право” и другие чехословацкие газеты постоянно муссировали эту тему: Кригель, мол, воевал на стороне Чан Кайши и даже был его личным врачом. Эти газетчики даже не удосужились заглянуть в энциклопедию и узнать, что в конце 1930-х годов компартия Китая и гоминьдан создали единый фронт для борьбы с японскими милитаристами,

жаждавшими захватить Китай, и что именно Чан Кайши как лидер правящей партии — гоминьдана (кстати, созданной в 1912 г. Сунь Ятсеном) был также и генералиссимусом и возглавлял Китайскую народную армию. Кстати, в армии Чан Кайши вместе с другими интернационалистами против японцев сражались и советские военные, летчики и мн. др.

Летом 1939 г. Норвежский комитет помощи демократической Испании, в сотрудничестве с Норвежским Красным Крестом, предоставили средства на покупку лекарств и медицинского оборудования для отправки в Китай. В помощь Китайскому Красному Кресту были направлены и медицинские работники — добровольцы, воевавшие в Испании. Тот же Норвежский комитет закупает билеты на пароход, плывший из Марселя в Гонконг, для двадцати врачей, среди которых был и д-р Кригель. Находился среди них и брат писателя Эгона Эрвина Киша — д-р Бедржих Киш. Врачи-добровольцы отплывали на пароходе AENEAS 12 августа 1939 года. В Гонконг они прибыли 13 сентября. Их встретила вдова Сунь Ятсена (позже, после победы Мао, она станет заместителем председателя КНР Сун Цин-лин). Госпожа Сун помогла группе врачей, в которой был также д-р Кригель, связаться с Чжоу Эньлаем, который в то время являлся представителем компартии Китая во временной столице — Чунцине. В течение всего пребывания в Китае деятельностью врачей руководила КП Китая — я хочу подчеркнуть именно это обстоятельство, поскольку пражские пропагандисты постоянно называли Кригеля международным авантюристом именно за его работу в Китае во время китайско-японской войны.

После нападения Германии на Советский Союз Франтишек, Кригель обратился в советскую военную миссию в Чунцине, с тем чтобы ему помогли вступить добровольцем в Красную Армию. Однако эта просьба чешского врача была воспринята крайне холодно — до самого окончания войны он не получил никакого ответа на свое заявление.

В необычайно тяжелых и примитивных условиях (врачи-добровольцы обязались жить и питаться так же, как китайские солдаты) Кригель организует военное медицинское обслуживание, обучает медицинский персонал и передает китайцам свой богатый опыт, приобретенный во время войны в Испании. До Рождества 1942 года Кригель находился в госпитале Чунцина. К тому времени японцы заняли все китайские порты, и отрезали китайские войска от военного снаряжения и продовольствия, поставляемых союзниками. Для транспортировки оставался лишь последний путь, который вел через индийский Ассам в юго-западный Китай. Поскольку этот ассамский (бирманский) путь имел жизненно важное значение для снабжения Китая военной техникой, китайская армия направила туда свои войска, чтобы совместно с американскими, английскими и индийскими войсками отразить наступление японцев. Туда, в тропические джунгли, по распоряжению КП Китая вместе с китайскими подразделениями полетели и несколько врачей-добровольцев, бывших интербригадовцев, и среди них Франтишек Кригель. Однако ни д-р Кригель, ни другие врачи-интернационалисты не были военнослужащими китайской армии, руководили же этой бирманской операцией представители американской армии. Поэтому Китайский Красный Крест договорился с американцами, чтобы врачи-добровольцы числились по договору (contract surgeon) в американской армии, но сражались в китайских подразделениях.

За свою высокую врачебную квалификацию, а также за самоотверженность и геройство д-р Кригель получил наивысшую награду, которую в США дают штатским лицам, — Emblem for Meritorious Civilian Service (“Медаль за выдающиеся заслуги в гражданской службе”). В наградном листе говорилось: “Д-р Кригель проявлял необычайную инициативу, исключительное усердие, выдающееся чувство долга и высокие профессиональные качества при выполнении заданий” (30-го октября 1944 г.)

В репортаже, опубликованном в 1944 г. американская газета “The Saturday Evening Post”, о деятельности д-ра Кригеля в Китае писала следующее: “…д-р Кригель, врач, работавший по контракту, польского происхождения, говорящий на пяти языках, включая китайский… полковник Браун характеризует его как одного из самых храбрых людей, с которыми он когда-либо встречался… Кригель три года воевал в республиканских войсках в испанской гражданской войне, и после этого три года работал врачом в китайской армии. Он шел сразу вслед за японскими танками и оказывал помощь раненым китайцам прямо под пулями. В одном из сражений он оказал помощь на поле битвы 46-ти китайским солдатам, несмотря на то что вокруг шел ожесточен-
ный бой.

Врач Кригель не хочет говорить о своей работе в ту ночь, но с восхищением рассказывает о китайском солдате, выстрелившем четыре противотанковых снаряда, которые попали в танк и уничтожили его экипаж. Он говорит, что китайские солдаты — как дети. Но при этом они — смелые и мужественные. Они сражаются, как настоящие мужчины, а если получат ранение, они ведут себя тоже, как мужчины, воспринимая врачебную помощь с терпением и благодарностью. Это самые отважные и непритязательные солдаты, каких ему когда-либо приходилось видеть. А поскольку у Кригеля есть опыт, так как он имел дело с солдатами разных национальностей, то его словам надо верить…”.

Франтишек Кригель оставился на бирманском фронте до самого конца Второй мировой войны, на Дальнем Востоке закончившейся 3 сентября 1945 г. капитуляцией Японии. Хочу привести здесь заключительную характеристику Кригеля, данную ему командующим медицинской службы:

Seagrave hospital unit, 896 Clearing Company,

US Army6

3-го июня 1945 г.

> *<…> врач, д-р. Ф. Кригель служил по контракту в данной воинской части три месяца, но был связан с ней в течение трех лет. Большую часть времени д-р Кригель находился на полях сражений и переносил неописуемые трудности, работая в американских и китайских частях под постоянной угрозой со стороны противника. Несмотря на это, он проявил себя как чрезвычайно активный и способный человек.*
>
> *Деятельность д-ра Кригеля в воинской части заслуживает самой высокой оценки: его отношение к части и к ее военным задачам было в наивысшей степени лояльным. Кригель — выдающийся хирург и опытный радиолог, однако, он не избегает ни малых, ни больших задач, особенно, когда он работает в китайских частях. Д-р Кригель является замечательным руководителем; его чрезвычайно высокие моральные качества всегда являлись примером для офицеров и солдат этого подразделения: американцев, англичан, бирманцев, китайцев.*

Подпись:

Гордон. С. Сиграв,

Подполковник медицинской службы,

командующий”.

В Праге

Редко случается, чтобы служебная характеристика так точно отражала сущность человека и была по-прежнему актуальной в последующие годы. Послевоенная деятельность д-ра Кригеля в Праге, продолжавшаяся в течение тридцати лет, полностью подтвердила оценку, данную ему командующим медицинской службы, подполковником Сигравом.

После своего возвращения в Прагу д-р Кригель хотел посвятить себя медицине. Когда я сегодня раздумываю об этом, обращая взгляд в прошлое, то мне кажется, что подобный путь оказался бы для Кригеля гораздо проще, без всех проблем и трудностей, ожидавших его в послевоенной Чехословакии. Карлов университет наверняка заполучил бы эрудированного профессора и педагога, а опытный врач Кригель без сомнения имел бы широкий круг благодарных пациентов… Но разве нашелся бы человек, который мог бы рассуждать столь рационально осенью 1945 года, в Праге, где разгорались политические бои и где каждый считал своим долгом ликвидировать последствия войны и включиться в строительство новой, более справедливой и демократической республики?

После нескольких недель споров и дискуссий со старыми друзьями, стремившимися убедить Кригеля вернуться в политику, он наконец принял решение заняться политической деятельностью. Один из ведущих и ответственных работников пражской организации КПЧ, Кригель принимается за порученное ему дело со свойственной ему энергией.

Он был строг к себе и к другим людям, предъявлял высокие требования к своим подчиненным, не переносил халтурщиков, презирал поверхностное отношение к делу, бездарность. Он умел строго наказать, но умел также быть внимательным и заботливым. Я вспоминаю, как однажды он пришел домой довольно поздно, и двери нашей квартиры оказались запертыми изнутри на цепочку. Боясь нас разбудить, он подстелил на лестнице газету и, сидя на ней, стал дожидаться утра.

В феврале 1948 г. Кригель был избран одним из секретарей пражской организации КПЧ и заместителем начальника штаба Народной милиции. Обе эти организации сыграли важную роль в февральских событиях 1948 г. (начальником штаба Народной милиции являлся генерал Йозеф Павел, который потом, в период “пражской весны” 1968 г., стал министром внутренних дел).

В 1949 г. правительство назначило Кригеля заместителем министра здравоохранения. На этом посту он оставался до начала 1952 г., когда его, без какой-либо мотивировки и практически сразу же, выгнали с работы в министерстве.

Фактически его трудности начались уже в конце 1951 года. Тогда в Чехословакии готовились — под руководством советников, присланных из Москвы, — политические процессы. Еврейское происхождение и весь жизненный путь Кригеля делали его подозрительным в глазах параноидных политиков и полицейских ищеек из органов безопасности.

Кригеля стали постоянно вызывать на допросы. Допрашивали о его деятельности в Испании и в Китае; следователей раздражало его еврейское происхождение, его высокий профессиональный уровень, знание многих языков (Кригель говорил свободно на чешском, польском, немецком, английском, русском, французском, испанском языках, даже немного знал китайский), его международные контакты и знакомства, и бог знает что еще… За друзьями и знакомыми Кригеля организована слежка, к ним постоянно наведываются работники органов безопасности, стараясь выведать какие-нибудь сплетни и отыскать какие-либо материалы, компрометирующие его. Я вспоминаю, с каким негодованием говорил об одном таком посещении мой отец: он заявил такому “референту” из органов, что никогда не встречал более честного и самоотверженного коммуниста и человека, чем Кригель.

Таким образом, в марте 1952 г. Кригель стал безработным. Через какое-то время он устроился работать рядовым врачом на завод “Татра”. Затем этот 45-летний майор-врач и шеф медицинской службы 45-й дивизионной интербригады стал рядовым ординатором в пражской Виноградской больнице. И повсюду, где бы он ни работал, коллеги любили его, а пациенты относились к нему с доверием и уважением. Несмотря на то что Кригелю уже было за пятьдесят, он с неимоверной, свойственной ему энергией начал изучать новые медицинские дисциплины, специализируясь на

ревматологии. В 1958 г., когда в Чехословакии появляются первые признаки “десталинизации”, он становится главным врачом, а позже — заместителем директора института ревматологии, профессора Леноха. В 1960 г. Кригель защищает кандидатскую диссертацию в области ревматологии.

В 1957-58 гг. начинается постепенная реабилитация Франтишека Кригеля. В 1957 г. он был награжден орденом “25-го февраля” I степени за активное участие в Февральских событиях 1948 года. Позже он удостоен ордена Красной Звезды — за заслуги в интернациональных бригадах в Испании. В 1958 г. Кригеля награждают Орденом Труда.

В 1960 г. в Прагу приехала кубанская. Один из ее членов разыскал Кригеля, — он знал Франтишека еще по Испании. Несколько месяцев спустя Кригель уехал на Кубу в качестве консультанта кубинского правительства по вопросам здравоохранения. В Гаване Кригель пробыл до конца 1963 года Кубинское правительство высоко оценило помощь чешского доктора в создании на Кубе новой системы здравоохранения. Правда, усилия Кригеля не всегда были успешными, — но разве революция в своей начальной фазе прислушивается к советам? Он стремился к тому, чтобы здравоохранение на Кубе по возможности избежало тех недостатков и промахов, которыми страдала чехословацкая система здравоохранения, которую он сам помогал создавать. С этими недостатками ему пришлось столкнуться на собственном опыте, когда он работал простым врачом в Праге.

После возвращения в Чехословакию партийное руководство решило избрать Кригеля депутатом Национального Собрания7. Уже с самого начала, когда его кандидатура только обсуждалась в партийных организациях, Кригель заявил, что у него есть своя точка зрения на роль парламента в демократической стране, и если его изберут, он будет отстаивать в Собрании свои взгляды. Кригеля избирают депутатом Национального Собрания, больше того — он становится председателем президиума и председателем иностранного комитета. Перед заседанием XII съезда КПЧ Антонин Новотны8 пригласил к себе Кригеля и предложил ему стать членом ЦК КПЧ (при тогдашней политической системе первый секретарь компартии ЧССР мог действительно предлагать занять освободившееся место члена ЦК, и это предложение почти всегда встречалось положительно). Кригель и тут, поблагодарив Новотного за доверие, не мог не заявить, что и в ЦК он будет открыто высказывать свои взгляды и критиковать те многочисленные недостатки и ошибки, которые ему приходится наблюдать.

“Пражская весна”

В 1964-67 гг. Кригель весьма активно занимается политической деятельностью, принимает участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и Межпарламентской Унии. Вскоре он становится одним из наиболее активных членов президиума Национального Собрания, прилагая огромные усилия, чтобы превратить парламент ЧССР в настоящий политический орган, способный играть в государстве надлежащую ему роль, а не являться лишь послушной марионеткой и подчиняться воле партийного аппарата.

Например, по инициативе Кригеля депутаты парламента теперь имеют право обращаться с особым видом депутатского запроса — интерпелляцией к правительству. Кригель требует “…повысить контрольную и критическую функции парламента, даже если министрам это придется не по вкусу”. Он критикует сложившееся положение, когда “депутаты парламента и часто даже сами министры узнают из ЦК КПЧ об изменениях в составе правительства и о важных решениях буквально за полчаса до заседания парламента” (стенограмма заседания президиума Национального Собрания от 8.12.1965). На другом заседании президиума Кригель выступает с требованием: “массы должны знать, как мы попали в такую тяжелую экономическую ситуацию и как найти выход из нее. Общественность имеет право на правдивую информацию… Необходимо обеспечить, чтобы, в соответствии с законной Конституцией, Национальное Собрание принимало активное участие в создании новой системы народного хозяйства, чтобы оно не избегало серьезных дискуссий с членами правительства и чтобы правительство находилось под контролем парламента…” (стенограмма заседания президиума Национального Собрания 12.1.1965). Не приходится удивляться, что приведенные здесь и последующие выступления Кригеля не могли не приводить к его конфликтам с властью. Несколько раз казалось, что ему придется покинуть политичес-
кую арену.

ЦК КПЧ Кригель не мог не выступать с острой критикой. Он старался дать открыто политический анализ сложившейся в стране ситуации, предлагал конкретные изменения. В 1967 г. Кригель стал прямо говорить о глубоком кризисе в самой КПЧ. (При этом он опирался на результаты одного из первых социологических исследований, проведенных в КПЧ, и говорил о необходимости радикальных реформ.)

Наряду с политической деятельностью Франтишек Кригель продолжает работать как врач. С 1965 г. он — главврач терапевтического отделения Томайеровской больницы в пражском районе Крч., работал в больнице почти каждый день, часто проводя там вечера и ночи, чтобы возместить время, потраченное на политическую работу. Он отличался незаурядной работоспособностью, которой могла позавидовать даже молодежь.

Неудивительно, что деятельность Кригеля, его выступления и взгляды вызывали острые конфликты с председателем Национального Собрания Лаштовичкой, с секретарями ЦК КПЧ и партаппаратчиками, с отдельными членами президиума ЦК. Поэтому совершенно естественно, что в кризисной ситуации, наступившей в КПЧ в начале 1968 года, Кригель в апреле 1968 г. был избран членом президиума ЦК КПЧ и стал председателем ЦК Национального фронта ЧССР.

Кригель приступает к выполнению обеих функций со всей ответственностью и серьезностью. Пост председателя Национального фронта был довольно затруднительным: было неясно, какую политику надо проводить на практике? Национальный фронт должен был отражать плюралистическую политическую систему, которую в то время требовала ввести Программа действий КПЧ. Но было непонятно, как осуществлять на деле этот “плюрализм”. После долгих лет политической стагнации и подавления всех инакомыслящих к власти начали рваться самые различные политические партии. Так, например, подняла свой голос социал-демократическая партия, которая в феврале 1948 г. была насильно присоединена к КПЧ, а десятки тысяч ее членов либо подверглись репрессиям и были брошены в тюрьмы, либо преследовались без суда. Партии Национального фронта, игравшие при Новотном лишь роль марионеток, теперь предъявляли требования на бóльшую самостоятельность. Давали о себе знать также представители Клуба ангажированных беспартийных организаций. И при этом необходимо было внимательно следить, чтобы все эти организации не слишком раздражали советское руководство. Тем не менее конфликт с руководством ЧССР продолжал усугубляться, все больше разгораясь и усиливаясь.

Но даже в это напряженное время Кригель не перестает работать в больнице. Он всегда считал и хотел показать это на деле, что человек не может быть политиком на всю жизнь, что у политика должно быть свое собственное дело, профессия, чтобы можно было вовремя и беспрепятственно оставить политику. В июне 1968 г. я беседовал с ним о его будущем в роли политика: после XIV съезда КПЧ Кригель не хотел выставлять свою кандидатуру на пост члена президиума, так как считал, что пора уступить место молодежи. В то время Франтишеку исполнилось 60 лет, и он полагал, что достиг вершины своей политической карьеры в период “пражской весны”. Я старался убедить Кригеля в необходимости остаться в политике хотя бы еще несколько лет — мы не предполагали, что наш спор был уже решен — только не нами, а в другом месте и другими средствами.

Популярность же Кригеля среди людей росла. Вспоминаю, как мы встретились однажды перед его домом — Франтишек разговаривал с пожилым рабочим, встретившим его в трамвае. Рабочий не хотел поверить, что председатель Национального фронта и член президиума ЦК КПЧ ездит с работы в больнице на трамвае…

Кригель оставался единственным из известных мне политиков, кто за все годы своей политической карьеры

не разбогател и не приобрел никаких материальных

благ. С 1946 года жил он все в той же скромной трехкомнатной квартире, с той же самой обстановкой. Прибавилось только книг и несколько картин. У Кригеля не было ни виллы, ни дачи. А подержанный автомобиль марки “Симка”, купленный им после возвращения из Кубы, в 1977 году пришлось продать, тогда его просто “достали” слежкой органы безопасности.

Кригель требовал созвать, причем как можно скорее, чрезвычайный съезд КПЧ, который стал бы началом возрождения ЦК партии и явился бы основой новой политики реформ. Кригель указывал на необходимость контактов между рабочим классом и интеллигенцией. Он выдвигал требование, чтобы научные и технические работники играли в обществе, делающем научно-техническую революцию, более важную роль….

Своими идеями и открытыми выступлениями против “системы” Кригель удостоился ненависти не только чешских, но и советских партийных лидеров. Л.И. Брежнев требовал отстранить Кригеля от политического руководства еще до того, как была вновь введена цензура и запрещены организации КАН и К2319.

В августе 1968 г. д-р Кригель как-то признался мне, что после встречи с советским руководством в Чиерне10 стал страдать бессонницей — его то и дело мучили мысли о том, в каких примитивных руках находятся судьбы народов и всего человечества….

Оккупация

В воскресенье, 18 августа 1968 г., мне удалось вытащить Франтишека Кригеля на довольно длинную прогулку в лесу, на окраине Праги, — он давно не был в отпуске, чувствовал себя усталым и переутомленным. Мы обсуждали разные альтернативы дальнейшего развития политической ситуации — среди них была и угроза военного вмешательства. Кригель говорил, что опасность хоть и велика, но все же советское руководство вряд ли решится на это: ситуация теперь совсем не та, какая была в 1956 г. в Венгрии; кроме того, в ЧССР царит полное спокойствие и порядок….

На обратном пути Кригель хотел одолжить у меня что-нибудь почитать, чтобы легче было коротать бессонные ночи. Я дал ему книгу Артура Кестлера “Слепящая тьма” — он ее не читал. Через две недели, за которые мы все постарели и поумнели, он вернул мне ее со словами: “Да, это был не слишком удачный выбор за два дня перед оккупацией. Когда офицеры КГБ водили меня по подвалам здания ЦК КПЧ, а потом перевозили в СССР с места на место, у меня перед глазами все время возникали сцены из книги Кестлера…”.

21-го августа, незадолго до часа ночи, меня разбудил телефон. Звонила жена Кригеля, Рива: “Нас оккупировали. Разбуди своих знакомых и приезжай”.

Ночь была страшной, полной ночных кошмаров и ужасов. К последним принадлежало и мое утреннее посещение квартиры Кригелей. Было примерно половина шестого, когда кто-то позвонил в дверь. Открываю и вижу двух мужчин в шуршащих плащах “болонья”.

— Мы пришли за доктором Кригелем.

— Что вам нужно?

— Мы должны кое-что сообщить ему!

— Доктора Кригеля нет дома. Вы что, хотите его арестовать? — спрашиваю я.

Я потребовал предъявить удостоверения. Они оказались работниками органов государственной безопасности. Вели они себя несколько неуверенно — на улицах им уже пришлось столкнуться с массовыми протестами пражан…

Один из мужчин попросил разрешения позвонить по телефону:

— Говорит Ворон. Звоню из квартиры доктора Кригеля. Приказ выполнить не удалось!

То, что происходило в ту роковую ночь на заседании президиума ЦК КПЧ, было уже не раз описано в разных публикациях, причем довольно подробно. Кригель был одним из авторов постановления президиума ЦК КПЧ. Даже после того, как все члены президиума были арестованы советскими десантниками и сидели, охраняемые плохо выспавшимися солдатами, под дулами автоматов, Кригель не терял присутствия духа. Он сказал членам президиума, что им необходимо отдохнуть, так как им еще понадобится много сил; сам улегся на ковер, и через несколько минут в комнате раздался его богатырский храп. Очевидцы рассказывали мне, что спящий Кригель сильно действовал на нервы не только автоматчикам, но и следящим за порядком полковникам — слишком уж это демонстративное и бесцеремонное поведение было непривычным в столь непривычной и неоднозначной ситуации.

Кригеля, вместе с Дубчеком11, отвезли на броневике (пражане прозвали такие броневики “оккупационными Чайками”) в аэропорт. Кригель все время протестовал и уже по дороге добился того, что солдаты открыли окошечко броневика, чтобы можно было видеть, куда их везут. В аэропорту Рузине Кригеля, вместе со Смрковским12 и Шпачеком13, посадили в военный самолет. После нескольких часов ожидания, они вылетели. Приземлились сначала в Виннице, а оттуда полетели дальше — в Москву.

Из Москвы Кригеля повезли в Калугу и поместили, в каком-то небольшом домике, в полной изоляции. Ему не разрешали ни слушать радио, ни читать советские газеты. И он читал пьесу Бертольта Брехта “Галилей”, книжку, которая случайно оказалась у него в кармане во время ареста. Наконец, дня через четыре дня, к Кригелю наведался советский офицер высокого чина и сказал, чтобы тот приготовился к отъезду.

— Куда? — спросил Кригель. Но оказалось, что знать этого ему было не положено.

Через несколько часов Кригеля на машине привезли в Кремль. Позже Франтишек вспоминал, что когда его вели по кремлевским коридорам и комнатам, полным офицеров, партийных функционеров и аппаратчиков, наступила мертвая тишина. Его разглядывали с нескрываемым любопытством, словно это было какое-то странное животное или вообще инопланетянин. За спиною он услышал, как люди перешептывались: “Это Кригель! Ведут Кригеля!”

В Кремле Кригелю дали прочитать предварительный текст протокола о встрече руководства КПСС и КПЧ, требовали, чтобы он подписал его. Внимательно прочитав протокол, Кригель сказал:

— Но я не могу этого подписать. Это был бы конец независимости Чехословакии. Кроме того, ни у кого из нас нет конституционного права подписывать столь далеко идущие обязательства….

К Кригелю подошел Дубчек и спросил его: что же им делать? Кригель предложил, чтобы “делегация” хотя бы на несколько часов вернулась в Прагу, нужно созвать бы Национальное Собрание, ЦК и представителей всех областей и районов республики, чтобы посоветоваться с ними.

Но тут подбежал взбешенный Гусак14 и злобно закричал на Кригеля: “Ну что, ты так и не подпишешь?!” — и так же быстро исчез, не дожидаясь ответа.

Наконец подошел Людовик Свóбода15. Он настаивал, чтобы Кригель подписал протокол. Кригель отказывался. Тогда Свобода стал кричать, что вот он, мол, старый человек, уже видел на своем веку горы трупов и не хочет видеть их снова, и что Кригель должен подписать. Кригель протестовал: “Вы не имеете на меня кричать, я вам не мальчишка!”

Таким образом, Московский протокол так и остался без подписи Кригеля. Чехословацкие пленники, как бы одним взмахом волшебной палочки превратившиеся в кремлевской метаморфозе в “официальную делегацию на высшем уровне”, собрались уезжать. Кремлевские режиссеры украсили флагами улицы и проспекты, ведущие на Внуковский аэродром, и послали туда толпы ликующих москвичей. Но делегация почему-то задерживалась. Видимо, что-то произошло.

Оказалось, что перед самым отъездом Брежнев заявил Дубчеку: Кригель останется в Москве, иначе чехи сделают из него национального героя. Однако Дубчек и Свобода воспротивились: мол, они не могут вернуться в Прагу без Кригеля, без него они не уедут. Наконец, после некоторого препирательства, советское руководство сдалось: “Хорошо, забирайте своего Кригеля! Он будет ждать вас в аэропорту”.

Отказавшись подписать протокол, Кригель, не рассчитывавший, что ему разрешат вернуться в Прагу, попросил своих чехословацких коллег позаботиться о его жене Риве (“она — женщина скромная и непритязательная”). Потом, под охраной вооруженного конвоя, его отвезли на Внуковский аэродром. Там его посадили в самолет, находившийся на дальней, на

взлетной полосе. Кригель думал, что его отправляют куда-нибудь в Сибирь. Но наконец, после долгих часов ожидания, самолет, раскаленный под жарким московским солнцем, пригнали к зданию аэровокзала, натянули перед ним красную ковровую дорожку, установили микрофоны — и через несколько минут появилась чехословацкая делегация вместе с советскими сопровождающими лицами.

Наверное, ничто не характеризует лучше атмосферу “братства и взаимного доверия”, царившую тогда в Москве, как этот небольшой эпизод. Приехав в аэропорт, Дубчек и Свобода тотчас же спросили: где же Кригель? Брежнев ответил им, что тот уже находится в самолете. Тогда Свобода послал вперед своего секретаря, чтобы убедиться, что это — правда. Свобода и Дубчек боялись сесть в самолет без Кригеля — потом уже трудно будет что-либо изменить, вернуться же в Прагу без Кригеля чехословацкое руководство тогда бы не
решилось.

Еще в самолете было принято решение сохранить в тайне тот факт, что Кригель, единственный из членов партийного и государственного руководства, не подписал Московский протокол, одним из пунктов которого как раз было требование, чтобы Франтишек Кригель немедленно покинул пост председателя ЦК Национального фронта и пост члена президиума ЦК КПЧ.

Нормализация

Потомки не смогут постичь, почему нам снова пришлось жить в такой густой тьме, после того как однажды уже настал свет.

КАСТЕЛЛИО

Об искусстве сомневаться (De Arte Dubitandi)

1562 г.

Этот эпиграф к заключительной части биографии Кригеля выбран мною не случайно. Он взят из книги Стефана Цвейга “Совесть против насилия”16, переведенной на чешский язык и изданной в Праге в 1970 году. В этом историческом романе описан средневековый конфликт между гуманистом Кастеллио и религиозным фанатиком Кальвином, а также жизнь в средневековой Женеве. Книга немедленно стала бестселлером и была тут же распродана. Когда в Праге в 1972 г. проходили массовые обыски, то, найдя эту книгу, полиция ее конфисковала. Этому нечего удивляться: описанная Цвейгом Кальвиновская диктатура в Женеве словно списана с “нормализации” в Чехословакии. “…во всех домах разом открылись двери, а стены вдруг стали прозрачными. В любой момент, днем и ночью, в ворота могут резко постучать, и появится член религиозной полиции для “досмотра”, причем горожанин не может ему помешать. В ордонансах говорится: “Следует располагать достаточным временем, чтобы не спеша вести расследование”… благочестивый полицейский идет по дому все дальше. Он влезает в книжный шкаф: нет ли там какой-нибудь книги без штампа августейшей цензуры консистории… А вскоре к этим официальным или платным надсмотрщикам присоединяются бесчисленные добровольцы, что делает эту уже саму по себе невыносимую слежку еще более невыносимой. Потому что везде, где государство терроризирует своих граждан, процветает отвратительное явление — добровольный донос. Там, где в принципе разрешается и даже поощряется доносительство, честные в обычных условиях люди из-за страха сами становятся доносчиками…”.

И все, все в Женеве, как и в Праге, запрещено:

“…Запрещено без разрешения печатать книгу, запрещено писать за границу, запрещено искусство во всех своих формах, запрещены иконы и скульптуры, запрещена музыка… запрещены, разумеется, даже проблески духовной свободы в печатном или устном слове. И запрещена — как высшее из всех преступлений — любая критика диктатуры Кальвина: под звук барабанов настоятельно предостерегают “говорить об общественных делах иначе, чем в присутствии Совета”.

Методы, приемы и противники не изменились: точно так же как и в Средневековье, в кальвинистской Женеве, в современной Чехословакии совесть, свобода и толерантность противостоят фанатизму, террору и насилию. Лишь изменилась терминология: вместо еретиков теперь — ревизионисты, или предатели; партийные чистки и органы госбезопасности заменили инквизицию. Вместо консистории теперь — Управление по делам печати, а вместо Священного писания — собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма. “Когда я размышляю, что же такое еретик, я не нахожу ничего иного, кроме того, что мы называем еретиками всех, кто не согласен с нашим мнением”, — написал Себастиан Кастеллио в XVI веке. Разве все это не является правдой также и сегодня?

Осенью 1968 г. Кригель был отстранен от членства в Президиуме ЦК КПЧ, а также — снят с поста председателя Национального фронта. Вслед за этим его постепенно лишили всех остальных функций. Кригель — единственный из четырех депутатов Национального Собрания — голосовал против договора о пребывании советских войск в ЧССР. В мае 1969 г. Кригель был исключен из компартии. Его выступление на заседании ЦК КПЧ привлекло большое внимание мировой печати, во многих тысячах экземпляров оно было также распространено в ЧССР. В своем выступлении Кригель заявил: “Как известно, я отказался подписать так называемый Московский протокол. Отказался потому, что видел в нем документ, который всесторонне связывал руки нашей Республике. Отказался подписать его потому, что подписание происходило в атмосфере военной оккупации Республики, без консультирования с конституционными органами власти и в противоречии с волей людей нашей страны. Когда в Национальном Собрании было предложено ратифицировать Договор о временном пребывании советских войск на территории ЧССР, то я голосовал и против этого, ибо это противоречит

принципам Хартии Организации Объединенных Наций, то есть противоречит принципа добровольности. Подписание договора происходило в атмосфере политического давления и давления власти, при обстоятельствах, которые несовместимы с принципами сосуществования социалистических государств и с международными договорами. Подписание договора происходило в присутствии чужеземных солдат и могучей военной техники. Договор был написан не пером, а дулами пушек и автоматов".

Повод для клеветнической кампании, направленной против Кригеля, дал сам Густав Гусак. В своем выступлении на заводе ЧКД17 весной 1969 г. этот лукавый лидер партии заявил, что "не будет ani kráglovat, ani krieglovat…."18. Центральная газета "Руде право" сразу же присоединилась к кампании, напечатав скандальную статью под заголовком "Без угрызений совести и не краснея, с подзаголовком: "Герой" с ореолом славы и что за этим скрывается". Кригель подал на газету в суд, требуя напечатать опровержение клеветнических нападок. Судебный процесс не мог иметь более подходящего названия: "Kriegel kontra Moc" ("Кригель против власти"). Дело в том, что фамилия шеф-редактора газеты была как раз Моц (что по-чешски означает "власть"). И поскольку Станислав Моц действительно представлял в своем лице полную и безоговорочную власть партии и правительства, то не удивительно, что Кригель, в конце концов, проиграл этот процесс.

В 1970 г. Кригеля отстранили с поста главврача и, против его воли, отправили на пенсию. Он и его жена продолжали жить в Праге, окруженные уважением и любовью друзей, но органы безопасности не оставляют его без внимания, его телефон прослушивается, почта конфискуется, а самого "контру" постоянно вызывают на допросы. Ему присылают угрожающие анонимные письма, инспирированные "Тайной полицией". Клевета вокруг Кригеля растет как снежный ком.

Но ничто не может "вышибить" Кригеля "из седла", и тогда в квартиру, находящуюся под непрерывной слежкой полиции, в ноябре 1976 г. средь бела дня врываются два человека в масках и нападают на жену Кригеля, пытаясь задушить ее.

Через какое-то время, когда могло показаться, что Франтишек Кригель совсем ушел с политической арены, снова раздался его голос, ставший еще более сильным и решительным. Вместе с несколькими, тоже бывшими, членами ЦК КПЧ он обращается к Национальному Собранию с требованием освободить политических заключенных. Он посылает поздравление к 80-летию Долорес Ибаррури. Когда умирает Чжоу Эньлай, Кригель приносит свое соболезнование в китайское посольство.

Восьмого ноября 1975 г. Кригель, вместе с д-р Г. Секаниновой19 и Ф. Водслонем20 послали письмо Федеральному Собранию. В своем письме они потребовали, чтобы, согласно Хельсинкским Актом заключительного Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, советские войска были выведены из Чехословакии, чтобы были восстановлены суверенитет и уважение к гражданским правам в республике. Также они потребовали аннулировать все дискриминирующие меры и законы.

Хотя почта Кригеля тщательно просматривается, все же иногда, окольными путями, к нему попадают интересные письма. Например, вот это:

"Дорогой Кригель!

Я прочитал в 7-м номере "Континента" Ваше письмо. Другим, более прямым путем, оно ко мне не дошло. Хочу Вас горячо поблагодарить за сердечные пожелания и поздравления по случаю награждения меня Нобелевской премией мира21. Мне было особенно приятно получить письмо от Вас, из страны, которая своей пражской весной и геройским августом так много значит для нас всех.

С глубоким уважением и пожеланием счастья

Ваш Андрей Сахаров

Москва, 11.6.1976".

Будучи старым социалистом и коммунистом, д-р Кри-
гель в последние десятилетия своей жизни понял, насколько губителен и разрушителен любой фанатизм, насколько вредно отсутствие толерантности. В одном из последних писем, которые ему удалось переправить из Чехословакии, он внушал мне: "В связи с посещением Папы Римского Польши — но ни в коем случае в прямой связи с ним — необходимо проводить систематическую кампанию, касающуюся свободы религии, толерантности, а также других тем, затронутых Папой в своих выступлениях".

Под документом "Хартия-77"22, в числе других, стоит и подпись Кригеля. Начинаются новые допросы. У Кригеля отбирают водительские права. Ему угрожают лишением чехословацкого гражданства. Угрожают, что отключат телефон. В своем эксклюзивном интервью для испанской коммунистической газеты "Мундо Обреро", посвященному десятой годовщине оккупации Чехословакии, Кригель описывает свое положение так:

"Письма ко мне доходят нерегулярно, некоторые не доходят вообще, иные — с опозданием в несколько месяцев. У меня отрезали телефон, я не могу поехать за границу, так как власти отобрали у меня заграничный паспорт. Вот уже почти год перед дверью нашей квартиры сидят двое полицейских в униформах. Они днем и ночью записывают всех, кто приходит ко мне в гости, регистрируют время их прихода и ухода. До недавнего времени перед нашим домом — кроме этих двух полицейских — стояла машина с тремя штатскими, которая следовала за мной повсюду, даже в магазины, на концерты и т. д. Если я останавливался и говорил с кем-нибудь, то они идентифицировали этого человека и фотографировали…".

Весной 1977 г. Кригель вместе с другими людьми, подписавшими "Хартию-77", становится мишенью клеветнической кампании, какой ЧССР еще не видывала. Кригель — главный на прицеле. Нападки на него — наиболее грубые и злостные. Так, например, 19 февраля 1977 г. штрейхеровский23 потомок Кнотек заявил в телевизионных новостях, что "Франтишек Кригель повел себя как Иуда… ведь он, в конце концов, из того же самого рода". В передаче Чехословацкого радио, называвшейся "Кто такой доктор Кригель?" (текст потом был перепечатан во многих чешских газетах), авторы зашли так далеко, что постарались поставить под сомнение членство Кригеля в КПЧ. В передаче говорилось: "Кригеля рекомендовал в КПЧ Отто Шлинг24, бывший секретарь областного комитета в Брно, разоблаченный и осужденный как враг социализма, сионист и агент капитализма". Это утверждение вызвало бурю протестов не только в самой Чехословакии, но и за границей. Вдова невинно казненного Р. Сланского25 обратилась в Верховный суд ЧССР с вопросом: действует ли до сих пор реабилитация для невинно осужденных людей?

Да, реабилитация все еще должна была действовать. Может, Густав Гусак и сам внезапно осознал, что такой выпад против Кригеля мог бы ударить и по нему самому, ведь и он сам мог бы снова стать "буржуазным националистом и изменником Родины". Через несколько дней эта позорная кампания начала затихать, а газета "Руде право" свалила все якобы на существующую в ЧССР свободу печати: мол, каждый может писать, что хочет…

Само собой, что никакая грязная кампания не могла повредить авторитету и репутации Франтишека Кригеля. Один из его друзей написал: "С Тобою все в порядке, покуда Тебя стараются очернить. Это признак, что люди Тебя не забывают". Для друзей и знакомых Кригель всегда был неиссякаемым источником трезвого оптимизма и хорошего настроения — он умел не только утешать и давать советы, но также помогал людям как опытный и самоотверженный врач.

В одном из своих интервью Кригель говорил: "Я мечтаю, чтобы еще до окончания двадцатого века мы бы могли увидеть мир, состоящий из равноправных государств, где людям будут обеспечены полные гражданские и человеческие права". О положении в Чехословакии он заявил: "люди молчат, но в них растет внутренняя ненависть к режиму…". Что же касается его взгляда на будущее, то Кригель "оптимист, но не пророк". Но разве человек должен быть пророком, чтобы еще со времен кальвинистского режима не знать вот это? "…Но так же как после всякого наводнения вода должна схлынуть, так и всякий деспотизм устаревает и остывает; только идея духовной свободы, идея всех идей и поэтому ничему не покоряющаяся, может постоянно возрождаться, ибо она вечна как дух. Если кто-то извне на какое-то время лишает ее слова, она прячется в глубинах совести, недосягаемых для любого вторжения. С каждым новым человеком рождается новая совесть, и кто-то всегда вспомнит о своем духовном долге — возобновлении давней борьбы за неотъемлемые права человечества и человечности…" (С. Цвейг).

Юбилеи

10-го апреля 1968 г. в квартиру на пятом этаже дома номер 16, что "На Сметанце", начали приходить люди с поздравлениями. Юбиляра, однако, не оказалось дома — он как раз находился на работе, в больнице. Полуметровый куст азалии от Чехословацкой народной партии, предназначенный для председателя Национального фронта, а также десятки телеграмм и писем, должна была принять жена юбиляра. Тут было и письмо от президента Свободы, в котором сообщалось о награждении д-ра Кригеля Орденом Республики.

Ровно 10 лет спустя в ту же самую квартиру снова начали приходить люди, желающие поздравить юбиляра. На сей раз перед дверью квартиры Кригеля стоял столик, а за ним сидели двое полицейских в униформах. На столике стоял передатчик, лежала тетрадка. В тетрадку они записывали всех посетителей, а по передатчику сообщали, кто приходил, в машину для слежки, днем и ночью стоявшую перед домом.

Несмотря на открытый полицейский надзор, поздравить д-ра Франтишека Кригеля с 70-летием пришло почти двести человек. Письменные поздравления приходили и из Чехословакии, и из-за границы. Например, вот одно из них:

"Дорогой доктор Кригель,

примите, пожалуйста, наши самые сердечные поздравления к Вашему 70-летию. Я с восхищением отношусь к Вашей борьбе за демократический социализм.

Стен Андерссон, генеральный секретарь Шведской социал-демократической партии.

Режим Гусака тоже не остался в долгу, не упустив случая "поздравить" Кригеля — единственного чехословацкого политика, имевшего смелость сказать НЕТ брежневскому диктату в августе 1968 года. А так как полиция не хотела действовать открыто, то нашла иной способ, как послать Кригелю свои "визитные карточки":

"К твоему семидесятилетию — только самое наихудшее. Просто непонятно, как долго могут смердеть жиды".

Птачек

*"Израильские фашисты тебе, наверное, дадут золотую Иудову звезду. Пеликан*26*, может, напишет оду в твою честь в Свободной Европе, а от нас — только плевок".*

Интернационалисты

“Если бы не было таких, как ты, то Хартия могла бы иметь большее доверие и успех, — так как наш народ уже давно не верит евреям”.

“ Нам до сего дня стыдно, что человек с твоим происхождением и прошлым авантюриста мог стать председателем Национального Фронта”.

Граждане социалистической страны

В мае 1978 г. в Мадриде состоялся торжественный ужин в честь 70-летия д-ра Франтишека Кригеля, почти 10 лет своей жизни воевавшего на фронтах Второй мировой войны. Организатором вечера был Центральный комитет Коммунистической партии Испании. В вечере приняли участие также представители многих других политических партий Испании, представители профсоюзов, деятели культуры и искусства.

Д-р Кригель не смог принять участия в этом вечере в свою честь — пражский режим не выдал ему заграничный паспорт. Несмотря на это, Кригелю удалось переправить в Испанию магнитофонную запись своего выступления, предназначенного для этого вечера, на испанском языке. Я принял участие в праздничном вечере и включил магнитофон. Все слушали выступление Кригеля с большим вниманием и волнением. Он говорил с большим достоинством, благодарил всех, кто помнил его, говорил о своей нелегкой судьбе, но считал, что до конца остался верен долгу честного человека и борца за демократию.

Похороны в Чехии

Последние три года своей жизни д-р Кригель практически провел под домашним арестом. Полицейские (церберы, как он любил их называть) почти непрерывно сидели перед дверью его квартиры. Даже когда 18 сентября 1979 г. у него случился тяжелый инфаркт, при его перевозке в больницу присутствовали и эти “церберы”. Следили за Кригелем и в больнице — к удивлению и возмущению больничного персонала — полицейские в штатском.

Франтишек Кригель умер 3-го декабря 1979 года.

Даже последнее прощание с Франтишеком Кригелем не обошлось без проблем. Таковы уж наши народные традиции. Надо сказать, что с похоронами в Чехии всегда были проблемы. Вспомним хотя бы похороны Карела Чапека27, Яна Оплетала28 или Яна Палаха29. Хотя режиму Гусака не удалось помешать похоронам Яна Смрковского, но полиция все же ухитрилась украсть урну с пеплом усопшего политика. Похороны первого глашатая “Хартии-77”, профессора Яна Паточки, скорее напоминали полицейские маневры, чем последнее прощание со старым профессором античной философии: кладбище было окружено полицейскими подразделениями, за стеной кладбища во время церемонии гремели мотоциклы Свазарма30, над кладбищем летали военные вертолеты; людей на кладбище снимали скрытой камерой. Сотни людей были задержаны полицией; их документы контролировали; многих затем вызывали на допросы.

Однако еще ни один из режимов, властвовавших в Чехии с 1621 г., не позволил себе того, что позволил себе режим Гусака: запретить похороны Франтишека Кригеля. В списке поступков, за которые стыдится Европа, навсегда останется запрещение Гусаком похорон Франтишека Кригеля.

Доктор Франтишек Кригель, кавалер наивысших государственных наград, воевавший против фашизма в Испании и Японского милитаризма в Китае, занимавший наивысшие государственные посты, после своей смерти был, кремирован неизвестно когда, — по всей вероятности, 6-го декабря, и, по всей вероятности, — в Мотольском крематории, без какой-либо прощальной
церемонии.

Друзьям удалось сохранить урну с прахом Франтишека Кригеля. В начале декабря 1989 г., через 11 лет после его смерти, урна была захоронена в могиле, на Мотольском кладбище.

Имя великого европейца Франтишека Кригеля навсегда сохранится в памяти и в сердцах наших граждан и в истории нашей страны.

Авторизованный перевод с чешского Ады Кольман

Стокгольм, 2010-03-10

Примечания

1 Эта статья была написана в 1976-1979 гг. и опубликована в ряде западных журналов (*прим. автора*).

2 В настоящее время Ивано-Франкивск (Украина).

3 Ограниченный прием еврейских студентов в университете (*прим. перев.*).

4 Благотворительное общество (*прим. перев.)*.

5 Коммунистическая партия Чехословакии (*прим. перев.*).

6 Отделение госпиталя под руководством Г.С. Сиграва, 896-я медицинская эвакуационная рота, Американские сухопутные войска (*англ.*).

7 Чехословацкий парламент (*прим. перев.*).

8 Первый секретарь ЦК КПЧ (1953–1968) и президент ЧССР (1957–1968) (*прим. перев.*).

9 КАН — Клуб ангажированных беспартийных; К231 — Клуб бывших политзаключенных (*прим. перев.*)

10 Встреча руководителей КПСС и ЧКП в Чиерне состоялась в июле-августе 1968 г.

11 Александр Дубчек (1921–1992) — первый секретарь ЦК КПЧ с 5 января 1968 до 17 апреля 1969 г.

12 Йозеф Смрковский (1911–1974) — председатель Национального Собрания и член Президиума ЦК КПЧ.

13 Йозеф Шпачек (1927–2004), член руководства КПЧ в 1960-е годы..

14 Густав Гусак (1913–1991), словацкий политик, первый секретарь ЦК КПЧ (1969–1989) и президент Чехословакии (1975-1989). В 1950-х годах был приговорен после политических процессов к многолетнему тюремному заключению

15 Людвик Свобода (1895–1979), генерал, в 1968 г. назначен Брежневым президентом Чехословакии (1968–1975)

16 Книга Стефана Цвейга “Совесть против насилия: Кастеллио против Кальвина” была издана в России в 1985 г., изд. “Сов. Россия”, перев. С. Гаврильченко и А. Рыбикова (*прим. перев.*).

17 ЧКД — “Чешско-моравский Колбен-Данек”, один из старейших машиностроительных заводов в Праге (*прим. перев*).

18 Игра слов: “kráglovat” означает по-чешски “ликвидировать” (*прим. перев.*).

19 Гертруда Секанинова-Чакртова (1900–1986), чешский коммунистический политик.

20 Франтишек Водслонь (1906–2002), чешский коммунистический политик.

21 А.Д. Сахаров получил Нобелевскую премию Мира в 1975 г.

22 Документ “Хартия-77”.

23 Юлиус Штрейхер — один из главных идеологов гитлеровской антисемитской политики.

24 Отто Шлинг (1912–1952), чешский коммунистический политик, казнен после инсценированного политического процесса.

25 Рудольф Сланский (1901–1952), Генеральный секретарь ЧКП, казнен после инсценированного политического процесса.

26 Иржи Пеликан (1923–1999) — один из ведущих чехословацких политиков в эмиграции (1968–1989), член Европейского парламента.

27 Карел Чапек (1890–1938), чешский писатель.

28 Ян Оплетал (1915–1939), студент Карлова университета, убитый во время демонстраций против оккупации Чехословакии.

29 Ян Палах (1948–1969) студент Карлова университета, покончивший с собой путем самосожжения в знак протеста против введения войск стран Варшавского Договора в ЧССР.

30 Свазарм — Добровольное общество содействия армии (по типу советского Досаафа).

Tweet

Нравится 7



(http://www.liveinternet.ru/stat/groups/fundgroup/)

Я 4400

(http://www.yandex.ru/cy?base=1&host=magazines.russ.ru&id=190)

КОНТАКТЫ

По всем вопросам обращаться к

Сергею Костырко

ПРОЕКТЫ

Рефлексии

Клуб ЖЗ

Академия современной русской словесности

ЖУРНАЛЫ

УЧАСТНИК Rambler's TOP 100
(http://top100.rambler.ru/cgi-bin/stats_top100.cgi?id=262888&page=6)

Адрес для писем: zhz@russ.ru
(mailto:zhz@russ.ru)

Премия «Поэт»

Страница премии Андрея Белого












© 1996 - 2016 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал"